

— Игорь Владимирович, Лев Толстой проходит через всю вашу творческую жизнь. На эстраде вы читаете отрывки из его повестей «Детство» и «Отрочество», на сцене Малого театра играете в спектакле по его пьесе «Власть тьмы». Своим талантом вы воскресили для нынешнего поколения в спектакле «Возвращение на круги своя» незабвенный образ Льва Николаевича Толстого. Скажите, пожалуйста, когда и каким образом произошла ваша первая встреча с великим писателем земли русской?

— Мне было тогда года четыре или около пяти. С этого возраста ребенок обычно начинает себя помнить, а родители принимают усиленно читать ему разные книжки. Вот и мне тоже мама много читала. И, надо отдать ей должное, читала далеко не все подряд, без разбора, как это, к сожалению, нередко бывает, потому что думают, будто ребенок еще ничего не смыслит и не может отличить хорошее от плохого, пустое от содержательного, надуманное от естественного. Конечно, в полной мере отчет он себе во всем еще не отдает, но, безусловно, чувствует, где искренность, а где фальшь.

Судя по всему, мои родители выбирали в бурном и ооильном потоке «детского чтения», предлагаемого тогдашними издателями и всевозможными авторами, лишь то, что считали действительно достойным и по языку и по поэтичности, а также полезным по содержанию. Среди таких произведений оказались и написанные Толстым.

— Это и неудивительно, ведь Толстой только для детей написал более шестисот рассказов, которые вошли в «Азбуку», книги для чтения, а также учебники. Уже при жизни писателя его детские книги выходили около 30 раз, общим тиражом свыше двух миллионов экземпляров. А за годы Советской власти произведения Толстого издавались сотни раз, их общий тираж превышает 200 миллионов. Толстой настойчиво указывает на необходимость внимательно относиться к душе ребенка, считает, что нельзя пренебрегать остротой переживания, свойственных детям.

— В пору младенчества я, разумеется, не осознавал, что мне читают произведения замечательного писателя. Все это я понял много позже, когда сам взял в руки его книги и встретил места, которые запомнились мне, потому что когда-то поразили воображение и затронули струны детской души. Только тогда мне стало ясно, как рано, благодаря родителям, вошел Толстой в мою жизнь. Слово писателя участвовало в формировании моих чувств, взглядов и убеждений. Не побоюсь сказать, что Толстой очень рано стал буквально властителем моих дум. Не кумиром, как теперь принято говорить, на которого смотрят с обожанием, а именно властителем дум, который учил размышлять и видеть. Меня захватывала страсть его нравственной проповеди, непримиримая борьба с любым проявлением лжи, бездушия и беззакония.

— А что именно из прочитанного родителями вам, Игорь Владимирович, запомнилось сильнее всего с тех детских лет?

— Это был рассказ о семье, где старого и немощного дедуш-

ку кормили отдельно от всех, потому что у него не было сил держать ложку и дрожали руки. Однажды сын старика увидел, что его собственный маленький сын что-то строгаёт из дерева. На вопрос что он делает? — мальчик ответил: лоханку, которую дам вам, когда вы тоже станете старыми и будете сидеть отдельно в углу... Меня, ребенка, этот рассказ буквально потряс. Я благодарен своим родителям, что они не побоялись тех горьких слез, которые порой вызывало толстовское слово, ведь

сателю. Наслаждение, которое испытываешь, хочется передать и другим. Свой выбор я остановил на рассказе старика-гувернера из «Отрочества», считая, что он не может не взволновать слушателей. Работа над этой главой шла почти три месяца. От меня требовалась предельная искренность исполнения.

Вот я выхожу на сцену и тяжело опускаюсь на стул... Затем вынимаю из кармана платок, протираю им воображаемые очки и, надев их, начинаю неторопливое повествование о своей

приемлет ложь и непримирим к любому проявлению зла, корысти и насилия. Он хочет, чтобы и другие руководствовались в жизни теми же принципами, что и он.

Этот косноязычный мужик неколенимо стоит на своих жизненных принципах. И когда он в сердцах восклицает свое знаменитое: «Бог, он — во!» и прижимает руку к левой стороне груди, зритель прекрасно понимает, что этот темный бедняк имеет в виду вовсе не того мифического «всемогущего» госпо-

праве на его литературное наследство. Однако на самом деле это были не только внутрисемейные распри из-за своеобразной ренты, которая позволила бы многочисленным детям Толстого стричь купоны от издания его произведений и таким образом жить безбедно. Это были глубокие идейные разногласия.

Толстой считал, что все, созданное им, принадлежит народу и должно служить только для его блага. Руководило им еще и то соображение, что сам он — граф и помещик — живет совсем

оболочку» великого человека, а сложный духовный мир «матерого человекища», по словам Владимира Ильича, — мир, полный сомнений и непримиримой убежденности. Здесь ничего нельзя «изобразить». Нужно жить на сцене, перевоплотиться в того, кого играешь. Суть работы состояла в том, чтобы постичь характер героя. Тогда уже сами по себе «придут» пластика движений: походка, жесты, мимика, выражение глаз, манера говорить, думать, молчать...

Пусть не сочтут меня нескромным, но тем не менее вжиться в образ мне в какой-то мере помогли сходные моменты во взглядах и вкусах с моим будущим героем. К чеховской «Душечке» Толстой проявлял большой интерес. Именно его высказывание об этом рассказе помогло мне окончательно утвердиться в собственном видении этого обаятельного женского образа.

В тридцатые годы я включил в свой репертуар сатирическую поэму А. К. Толстого «Сон статского советника Попова». Позже мне было приятно узнать, что Лев Николаевич любил читать это произведение в кругу семьи. Он ведь сам находился под надзором полиции и его всюду сопровождало «недреманное око». Для артиста очень важны такие совпадения.

К сказанному можно добавить и определенное «сходство» в житейском плане. Родители с детства привили мне любовь к «братьям нашим меньшим». Мой заветной детской мечтой было иметь свою лошадку, и тот день, когда меня впервые посадили верхом на настоящую лошадь, живо помнится до сих пор. Эти воспоминания и впечатления, безусловно, помогли мне теперь. Ведь в спектакле незримо присутствует любимая лошадь Толстого — Делир, на которой он совершал длительные прогулки. Наконец, мои увлечения спортом, в том числе ездой на велосипеде. Этот вид «киндивидуального транспорта», входивший тогда в моду, как мы знаем, привлёк внимание и Толстого. В Хамовнической усадьбе хранился велосипед, на котором он ездил...

Я обращался к произведениям писателя, его письмам, дневникам, изучал фотографии, кинокадры, прослушивал записи его голоса на фонографе. Все это обогащало и расширяло мое собственное представление о Толстом. Очень помогли в работе статьи В. И. Ленина — образец марксистской художественной критики. Владимир Ильич отмечает в Толстом его главную черту — художническую честность. Ленинский анализ творчества писателя, мировоззрения этого большого художника помог мне до конца уяснить психологические, нравственные и этические мотивы, побудившие Толстого покинуть на склоне лет Ясную Поляну.

НА СНИМКЕ: «Возвращение на круги своя». Сцена из спектакля. В роли Л. Н. Толстого — народный артист СССР И. Ильинский.

Фото И. ЕФИМОВА.

● К 150-летию со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

П У Т Ъ К О Б Р А З У

Миллионы людей во всем мире знают и любят произведения Л. Н. Толстого, которые, по словам В. И. Ленина, явились «шагом вперед в художественном развитии человечества». Наш корреспондент Ил. ОКУНЕВ попросил народного артиста СССР И. В. ИЛЬИНСКОГО поделиться мыслями о том, что, по его мнению, делает Л. Н. Толстого современником всех поколений, какую роль играют его произведения в нашей жизни.

это были слезы участия и сочувствия. Они учили чуткости, отзывчивости и доброте.

— Этот рассказ называется «Старый дед и внучек». Толстой говорил, что воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. И лучше всего, по его мнению, нравственные начала дети усваивают из произведений искусства. Помните его знаменитую «Азбуку»? В яркой и образной форме писатель открывает ребенку законы природы, дает первое представление о науке, естествознании. Это по существу маленькая энциклопедия.

Новая встреча с Толстым, насколько мне известно, состоялась у вас, Игорь Владимирович, когда вы были уже известным артистом. Вы решили тогда перейти от комедийного и развлекательного чтения к серьезному и выбрали «Историю Карла Ивановича» из «Отрочества» Толстого. Чем привлёк вас именно этот монолог?

— Толстой — мой любимый писатель. Трудно назвать произведение, принадлежащее его перу, которое было бы мне всего дороже. Почти каждое я перечитывал не один раз и всегда находил в нем что-то новое. Мне всегда хотелось исполнять на эстраде те вещи, которые на всю жизнь остаются в сердце каждого человека, читающего Толстого. Это знаменитые места в «Войне и мире»: «Небо Аустерлиц», «Приход Наташи к умирающему князю Андрею», «Известие о смерти Петю». А какая прозрачность и свежесть в маленькой главке из «Детства», где говорится о чувствах к матери! Читая и перечитывая эти отрывки, плачешь горючими слезами не только от переживаемого, но и от восторга перед гением пи-

жизни. Слушатели видят перед собой старого учителя, посвятившего всю свою жизнь ученикам, немного сентиментального заново как бы переживающего бывшее. Его грусть и человечность не могут не вызвать сопереживания.

— Как-то мне довелось присутствовать на вашей встрече с учениками одной из московских школ, где вы читали как раз этот монолог. В зале стояла удивительная тишина. Я не столько слушал вас, сколько вглядывался в лица ребят. И ничуть не преувеличу, сказав, что своим проникновенным чтением, Игорь Владимирович, вы буквально открыли своим слушателям глаза на повесть, которую они считали давно читанной и хорошо знакомой. Вот так же, застав дыхание, смотрят зрители и спектакль «Власть тьмы», в котором вы играете Аким. Недавно этот спектакль, идущий уже около четверти века, справил своеобразный юбилей — 500-е представление, не так ли?

— Получив роль в пьесе Толстого, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Теперь я мог послужить ему уже не только на эстраде, но и на сцене театра. У моего Акима — своя мудрость, свой символ веры. Он не проповедует чье-то учение, а учит тому, что смог почерпнуть из собственной многолетней жизни, а именно: во всяком деле «душа надобна». Жизненный опыт показал ему, что истинное и полное удовлетворение приносит только любовь к людям, что спокоен человек может быть только тогда, когда поступает честно, справедливо и свободен от угрызений совести. Все, о чем он говорит, пережито и выстрадано им самим. Поэтому-то Аким так решительно не

да-бога, которого ему веками навязывало самодержавие, а высокую человеческую нравственность и совесть. «Бог в душе» для Акима, простого крестьянина, — это прежде всего вера в добро и человеческое достоинство. Он сам по природе своей благодетен и чист в своих мыслях и не нуждается в чем-то таком, что устрало бы его и сдерживало от дурных поступков.

— На протяжении всей своей жизни вы, Игорь Владимирович, словно идете к Толстому. Читая его произведения с эстрады, играя в его пьесе, вы стремитесь постичь его мудрость, проникновенную человечность и простоту величия. И вот, наконец, сбылась заветная мечта — вы смогли выйти на сцену уже не в образе толстовских героев, а воссоздать живую личность дорогого вам человека — самого Льва Толстого...

— Когда мне предложили эту роль, я испытал противоречивые чувства. С одной стороны, неуверенность: справлюсь ли? А с другой — страстное желание послужить любимому писателю.

В основу пьесы драматург И. Друцэ положил острую ситуацию, сложившуюся в Ясной Поляне в последние годы жизни Льва Николаевича, когда между ним, женой Софьей Андреевной и другими членами семьи возник непримиримый конфликт. Если говорить схематично, то причиной расхождения этих людей, еще совсем недавно близких друг другу, питавших друг к другу любовь и уважение, я не побоюсь сказать — единомышленников, послужило решение писателя отказать своим детям в

не так, как учить жить других. Последнее особенно терзало душу Толстого на протяжении всей жизни. Поборник правды, он создал всю ложность своего положения как писателя, личной жизнь которого находится в противоречии с тем, к чему он призывает в своих книгах. Это-то и привело в конце концов к разладу в семье и уходу из имения, который кончился трагически на станции Астапово 28 октября 1910 года.

— До сих пор мы имели обо всем этом умозрительное представление. Теперь все это показано в спектакле «воочию». Благодаря вашему убедительному исполнению роли Толстого мы впервые смогли увидеть «во плоти», что уход писателя — не только смелый шаг человека, но и желанное мифическое окружение. Своим уходом Толстой как бы поставил точку в преподанном им уроке нравственной ответственности писателя за свой труд и за все происходящее вокруг.

Игорь Владимирович, хотелось бы заглянуть в вашу творческую лабораторию и узнать, что помогло вам воскресить образ человека, ставшего властителем дум многих поколений?

— Да время работы в кино и театре мне не приходилось играть роль, которая хотя бы отдаленно напоминала образ Толстого. В моем репертуаре не было ни одного персонажа, который жил бы на самом деле, реально существовал и был к тому же великим человеком. Если, конечно, не считать Кутузова в фильме «Гусарская баллада». Но там был короткий эпизод. Теперь предстояло решать задачу очень трудную. Нужно было показать на сцене не просто «телесную